

Афонькина Анастасия Владимировна
Факультет музыкального театра, 2 курс
Мастерская Г. Г. Исаакяна

Моя семья на фоне эпохи

Нет в России семьи такой,
где не памятен был свой герой.

Е. Агранович

Я хочу рассказать о своей семье, участвовавшей в Великой Отечественной войне. Хочу поделиться с Вами воспоминаниями моего дедушки, Афонькина Виктора Константиновича, и моей бабушки, Лидии Максимовны Афонькиной (Куриной). Дедушке сейчас 84 года, а бабушке 79 лет, и они до сих пор ярко помнят страшные события военных лет своего детства.

Я пишу стихи (песни) и в первом рассказе об эпизоде из жизни Виктора (моего дедушки) и Антонины (его родной сестры) во время войны (1941 – 1942 гг.). Во время войны не хватало еды и детям приходилось обыскивать карманы убитых солдат в поисках сухарей и консервов. Во время таких поисков их заметил немецкий летчик и, видя, что это дети, все равно начал по ним стрелять из пулемета. Дети догадались лечь под трупы солдат, так как трупы были замерзшие и пули не проходили насквозь. Только так они остались живы. Ему было 11 лет, а Антонине – 13. Произошло это в Калужской области, Юхновском районе, в их родной деревне Обидино.

Стихотворение-песня

«Ива – калина»

Ива–калина, ива–калина,
Ива–калина в поле росли.
Зимнею стужей, в год сорок первый,
По рыхлому снегу дети брели.
Нечего кушать, нечего кушать,

Нам нечего кушать сказала им мать.
Зимнею стужей, надеясь на чудо,
Пошли они хлеба немного сыскать.
Вышли на поле, мертвое поле,
Метель засыпает триста солдат.
Только вчера солдаты шли строем,
Теперь пред детьми бездыханно лежат.
Серое небо, рама нависла,
Фашист вдруг заметил на поле ребят,
Пули прошли совсем близко-близко,
Без хлеба нельзя им вернуться назад.
Дети лежали под телом солдата,
Мертвой он грудью своей защищал.
Пули стучали страшным набатом,
Но летчик не ранил детей, не достал.
Ива–калина, ива–калина,
Ива–калина в поле росли.
Зимнею стужей, в год сорок первый,
По рыхлому снегу дети брели.

Во втором стихотворении рассказывается о гибели моей прапрабабушки. Она была смертельно ранена немецким снайпером на болоте между деревнями Ольхи и Обидино, когда переходила линию фронта.

Над болотом вьюга воеет,
белым саваном кружит,
А с простреленной ногою,
в снегу, женщина лежит.
Не добраться ей до дому,
не дойти, не доползти.
В месте этом незнакомом,

жизни кончились пути.
Ранним утром до рассвета,
шла она к своей родне,
Слышно, пушки били где-то,
знать на русской стороне!
А в ее деревне фрицы,
гонят скот и русский люд,
За спиною дым клубится –
это немцы хаты жгут.
Снайпер целит хладнокровно,
на курок жмет, не спеша,
над болотом белым, ровным
в муках мечется душа.
Мы помолимся с тобою
за всех сродников своих,
Кто великою войною
взят на небо от живых.

В третьем стихотворении я расскажу о моем двоюродном дедушке Михаиле Максимовиче Курине (старшем лейтенанте танковых войск), родном брате моей бабушки – Лидии Максимовны Куриной.

Это было накануне большого сражения на “Курской дуге”. После ранения Михаилу дали отпуск на Родину, чтобы посетить своих родных. Но вестовой вызвал его обратно в часть. Танковые экипажи были сформированы и поэтому он был назначен командиром роты пехоты. Умер он в госпитале от множественных ранений. Похоронен в Белгородской области.

На перроне - офицер, отправляется домой:
Хорошо, остался цел, но с пробитой головой.
В лобовом бою сгорел его танк и экипаж,
Ну а он остался цел - отнесли его в блиндаж,

Медсанбат, госпиталя...
Снова бодрый и в строю,
едет в дальние края - посетить семью свою.
После финской заболел
Отец, умер через год.
От тяжелых горьких дел
мать зачахла, от невзгод.
Живы тетка и сестра,
Алексей – брат, сорванец.
Отправляться уж пора...
По перрону шел боец.
– Вам приказ от комполка:
возвращаться в часть опять.
Отменила отпуска, командира фронта власть!
– Солдат, милый, дорогой!
Ты скажи, что опоздал, мол, уехал я домой,
Ну, скажи, что не видал!
Но солдат сказал сурово:
– Если я вас не видал, за четыре этих слова ждет военный трибунал.
Офицер пошел угрюмый на врага в кромешный бой,
со своей тяжелой думой не вернулся он домой.
В медсанбате он скончался, от тяжелых рваных ран.
Мимо поезд тот промчался, не вернется больше к нам.

В четвертом стихотворении я расскажу о моем дедушке Викторе (ему было 11 лет) и других детях деревни, которых пытались уничтожить отступающие немецкие войска при контрнаступлении советской армии (зимой 1941 – 1942 гг.). Детям удалось спастись благодаря храбрости советских разведчиков, отогнавших немцев из деревни. Разведчики впоследствии погибли на краю этой деревни.

А под городом Юхновым, когда фриц отступал,
В деревянную хату он детишек согнал.
Под соломенной крышей фитиль запалил,
Чтоб никто здесь не вышел, дверь закрыть не забыл.
Дым дыхание душит, больно режет глаза,
Бог, спаси наши души!
Горько душит слеза.
И в отчаянье диком, завопили: “Горим!”
Не поможешь ты криком
- как спастись самим?
Рама – на снег, под ударом плеча,
Ты не лезь вперед всех, не толпись сгоряча.
Малышей из окна подавай и сам
поскорей из огня вылезай!
Сорок детей в снегу под обстрелом,
Все они живы, все они целы.
Где же вы, где, дети войны?
Кто в Освенциме сожжены,
Кто задыхался в блокадном аду,
Кто ел крапиву и лебеду,
Кто надрывался и падал без сил?
Я бы у Бога об этом спросил.

Война обожгла сердца детей, переживших её. Осталась незаживающей раной на душе, ноющей на протяжении всей жизни. Память о событиях и героях останется и в наших сердцах.

По окончании войны, люди считали, что это последняя война, которая возможна на земле. После таких страданий, потерь, жестокости... Но войны продолжают до сих пор. Обстреливают мирные города из тяжелых орудий.

Погибает мирное население – старики, женщины, дети. Сейчас это происходит на Донбассе и других территориях земного шара.

Я мечтаю, чтобы люди научились понимать друг друга, чувствовать чужую боль, как свою. Чтобы дети не знали, что такое война.